

Л.Г. Ефанова

Томский государственный педагогический университет

Норма скромности в русской языковой картине мира

Картина мира, отраженная каждым из национальных языков, наряду с другими представлениями о мироустройстве фиксирует также систему норм, действующих в данном языковом коллективе и в окружающем его мире. Значение отношения к норме в языке выражается преимущественно путем указания на случаи ее нарушения. Одним из средств обозначения этих нарушений служат так называемые имена некомплектных объектов, указывающие на отсутствие у обозначаемого предмета свойственного ему в норме необходимого атрибута. В русском языке имена некомплектных объектов образуются преимущественно от основ наименований атрибута при помощи префикса *без-* (*беззубый, бессовестный, безумец*), который служит надежным показателем значения несоответствия норме в семантике имени [Арутюнова, 1999, с. 82]. Одна из особенностей этих имен состоит в том, что они способны сочетаться только с наименованиями объектов, для которых данный атрибут является родовым или видовым признаком. Так, например, прилагательное *безгорбый* сочетается со словом *верблюд*, поскольку горб является характерным признаком этих животных, однако не образует сочетаний с именами объектов, которым данный атрибут в норме не свойствен (напр.: **безгорбый человек*), хотя во внеязыковой действительности подобные отклонения возможны и обозначены соответствующими производными (напр.: *горбун*).

В нормативной языковой картине мира (ЯКМ) особый интерес представляет оценка морально-психологических свойств личности. Анализ производных с префиксом *без-*, характеризующих эти свойства, позволяет выявить наиболее значимые для носителей русского языка этические нормы и ценностные установки языкового коллектива в оценке поведения членов социума.

Среди прилагательных с префиксом *без-*, выражающих отношение к той или иной этической норме, наиболее многочисленную группу составляют слова со значением нарушения требования скромности: *беззастенчивый, беспардонный, бессовестный, бесстыдный, бестактный, бесцеремонный, бесчинный* (устар. – «нарушающий порядок, общепринятые нормы»). Количество этих производных, а также других слов, обозначающих несоответствие норме скромности (например: *высокомерный, дерзкий, заносчивый, надменный, развязный, спесивый, чванливый, тщеславный* и т.д.), свидетельствует о высокой степени значимости этой нормы для русского человека.

В русской ЯКМ норма скромности представлена как реализация психологических свойств личности в определенных формах поведения. Эта норма апеллирует к присущей каждому человеку способности испытывать чувство стыда (напр.: *бесстыдный, бесстыжий*), а также предполагает в нем некоторую долю стеснительности (напр.: *беззастенчивый*). Русская норма скромности не только

© Л.Г. Ефанова, 2003

регулирует поведение членов социума, препятствуя им быть *бесцеремонными*

(бесчинными), но и предписывают каждому человеку ограничивать себя в некоторых проявлениях и потребностях (стеснять себя) в интересах других людей. Тот, кто для достижения своих целей действует *безо всякого стеснения*, нарушает требования данной нормы. Актуальность нормы скромности для русского человека проявляется также в его внимании к тому, как эта норма реализуется у других народов, и в стремлении заимствовать из чужих языков те характеристики названной нормы, которые не были отмечены в русском языке. Так, например, из французского языка в русский было заимствовано слово *такт*, и образованное от него прилагательное *бестактный* включило все элементы значения заимствования в языке-источнике: «лишенный такта, чуткости, невнимательный к окружающим».

Носителями русского языка скромность воспринимается не только в качестве индивидуального свойства личности или этикетного требования, но и как этическая норма. Этико-философской основой нормы скромности является смирение.

Смирение есть первая из добродетелей, названных Иисусом Христом в Навгорной проповеди: «Блаженны нищие духом». Метафора «нищие духом» позволила христианским философам сопоставить смирение с состоянием социальной нищеты: так же, как нищий, не имея достаточных для жизни материальных средств, вынужден просить их у тех, у кого этих средств в избытке, смиренный человек, осознавая свою духовную нищету (отсутствие необходимых для праведной жизни духовных возможностей и дарований), обращается за этими благами к Богу [Свешников, 2001, с. 169].

Как способ восприятия действительности и как образ жизни смирение представляет собой «глубокое познание своего ничтожества. Изменение взгляда своего на ближних... Явление простодушия от живой веры. Ненависть к похвале человеческой. Отвержение премудрости земной. Оставление самооправдания. Молчание перед обижающими. Сознательное во всем послушание церкви» [Брянчанинов, 1993, с. 172-173].

Уяснить содержание религиозно-философского понятия «смирение» и оценить глубину и степень точности его характеристики, данной Святителем Игнатием Брянчаниновым, поможет логический анализ отраженной в данном понятии оценки.

Смирение представляет собой одну из разновидностей ценностного отношения к миру. Связь состояния смирения с оценкой подтверждается этимологией этого слова, в состав которого первоначально входил корень *-мер-* (ср.: *умерить*, *измерить*). Анализ понятия «смирение» в связи с оценкой требует предварительного описания структуры, основных компонентов и разновидностей оценки.

Структура любой оценки включает в себя три обязательных компонента: 1) субъект оценки (тот, кто оценивает), 2) объект оценки (то, что оценивается) и 3) основание оценки (предмет или представление, с которым сопоставляется объект оценки) [Ивин, 1997, с. 163-164]. В зависимости от свойств каждого компонента различаются разные виды оценок. Объектом оценки (O) могут быть как внешние по отношению к ее субъекту предметы и явления, так и свойства самого субъекта оценки (S). В соответствии с этим различаются внешняя оценка ($S \Rightarrow O$) и самооценка ($S = O$). Основанием оценки могут быть как сопоставимые с ее объектом реальные предметы, явления и т.п., так и некий абстрактный образец-норма (N), с которой сравнивается данный объект. В первом случае оценка является сравнительной, а во втором – нормативной.

На свойства оценки влияет также способность самого субъекта оценки установить верное соотношение между ее объектом и основанием. Правильно установленное соответствие порождает адекватную оценку, в то время как ошибочное соотношение становится причиной неадекватных оценок. Примером сравнительной неадекватной оценки может служить так называемая завышенная или зани-

женная самооценка. В процессе ее осуществления субъект оценки сравнивает собственные способности, достоинства и возможности (объект оценки) со способностями, достоинствами и возможностями других людей (основанием оценки). Неадекватность этого вида оценок проявляется в том, что их субъект представляет себе ситуацию в искаженном виде, вследствие чего объект оценки кажется ему уступающим в том или ином отношении ее основанию (при заниженной самооценке) или превосходящим это основание (при завышенной самооценке). Вследствие этого человек с заниженной самооценкой представляется самому себе хуже других людей, в то время как завышенная самооценка формирует у ее субъекта необоснованное чувство превосходства над другими. Существование завышенной и заниженной самооценки не исключает возможности адекватной сравнительной самооценки, субъект которой правильно оценивает свои способности и возможности.

В обыденном сознании смирение нередко отождествляется с заниженной самооценкой, однако такое мнение является по существу неверным. В соответствии с представлениями христианских богословов, смирение, как «глубокое познание своего ничтожества», также представляет собой самооценку, однако основанием оценки являются в данном случае не свойства других людей, а идеальная норма, заданная Богом. В основе смирения лежит представление о собственных достоинствах, способностях и возможностях, выполняющее роль объекта оценки, но этот объект сопоставляется не с аналогичными качествами других людей, а с некоторой идеальной нормой, заданной Богом. Идеальный, а не сравнительный характер оценки объясняет отмеченные св. Игнатием Брянчаниновым «ненависть к похвале человеческой», «оставление самооправдания» и «молчание перед обижающими», поскольку похвала, обида и самооправдание возможны только на основании сравнительной оценки, предполагающей сопоставление собственных качеств со свойствами других людей. Идеальный характер нормы-основания способствует «изменению взгляда своего на ближних» и в то же время адекватности оценки, поскольку способности, возможности и достоинства любого человека представляются одинаково недостаточными в сравнении с идеальной нормой, но каждый человек находится на одной из ступеней на пути к ее достижению. Такие представления препятствуют формированию у субъекта как заниженной, так и завышенной самооценки и вместе с тем не ограничивают его стремления к идеалу.

Норма смирения трудно достижима в условиях реальной жизни и не может быть превышена (нельзя быть **слишком смиренным*). Эта особенность смирения обусловлена идеальным характером основания оценки, ее независимостью от человека и социума. Исследователи концепта «смирение» в русской ЯКМ отмечают, что отраженное в нем состояние «предполагает готовность человека с благодарностью принять все, что с ним случится, поскольку во всем происходящем видит Божью волю», согласие оценивать любое свое положение, как должное [ЛАЯ, 2002, с. 381]. Однако объем испытаний, выпадающих на долю каждого человека, определяется не им самим, а надсоциальным субъектом (Богом), именно *Господь богатит и высит, убожит и смиряет*. Попытки самостоятельно увеличить количество испытаний не приводят к превышению нормы смирения, но являются одним из проявлений гордыни и получают отрицательную оценку как со стороны церкви, так и в социуме: *Уничтожение (излишнее смирение) паче гордости*. От совершения таких ошибок предостерегают также многочисленные пословицы, рекомендуемые не пытаться превзойти собственные возможности, *не прыгать выше головы, не лезть наперед батьки в петлю*, но руководствоваться представлениями о том, что *Бог по силе крест налагает*.

Смирению как главной христианской добродетели противопоставлена гордость.

Эгоистическое чувство гордости (гордыню) нельзя отождествлять с завышенной самооценкой, при которой субъект оценки имеет не соответствующие действительности представления о своих достоинствах. Высокая самооценка гордеца может быть адекватной его реальным положительным качествам, поскольку внешними условиями возникновения гордыни могут стать действительные преимущества ее субъекта перед другими людьми в том или ином отношении (например, одаренность, высокий социальный или материальный статус). Однако независимо от наличия или отсутствия этих условий (т.е. адекватности или неадекватности оценки) чувство эгоистической гордости воспринимается в социуме отрицательно. Причиной этого является несовпадение представлений о норме, имеющихся у субъекта гордости, с одной стороны, и у социума – с другой.

Основным признаком эгоистической гордости как разновидности оценки являются искаженные представления о норме у субъекта гордости, а также направленность оценки не на ее субъект, а на других людей, которые в этом случае и становятся объектом оценки.

Нормативный характер оценки, связанной с состоянием смирения, и отсутствие компонента «норма» в структуре оценки, порождающей гордыню, были отмечены, в частности, И. Кантом. В этической системе Канта моральные нормы представлены как идеальный нравственный закон, выступающий в качестве основания оценки. «Сознание и чувство ничтожности своей моральной ценности при сравнении с **законом** есть *смирение*. Уверенность в величии этой моральной ценности, которую, однако, не сравнивают с законом, называется *моральной гордостью*» [Кант, 1995, с. 458] (Разрядка моя – Л.Е.). Таким образом, сущностью гордыни является «автономное признание собственной ценности» [Свешников, 2001, с. 78], обусловленное отрицанием нормы.

В структуре оценки, осуществляемой гордецом, ее основание–норма подменяется представлениями (нередко преувеличенными) о его собственных достоинствах, а объектом оценки становятся соответствующие им качества других людей. Такая оценка является по существу не нормативной, а сравнительной, однако ее субъект не осознает этого.

Таким образом, состояния смирения и гордыни представляют собой результат двух принципиально различных видов оценок:

N	(O = S)		S	=	N	(S = N)
S	=	O	O			
<i>смирение</i>			<i>гордыня</i>			
(нормативная самооценка)			(сравнительная внешняя оценка)			

«Инстинкт гордости не требует внешних оценок, ибо он вводит в переживание абсолютной самооценки личного бытия помимо всяких сравнений» [Свешников, 2001, с. 78]. Однако чрезмерно возгордившегося человека не случайно называют *ослепленным гордыней*. В действительности его самодостаточность и автономность оказываются мнимыми, поскольку обязательным условием возникновения чувства гордости является наличие внешнего, второго субъекта оценки (человека или социума), что отражено в сочетаемости глагола *гордиться* с наименованиями косвенного объекта: *гордиться перед* кем-либо. Вместе с тем два субъекта оценки имеют каждый свое представление о норме, которые не совпадают между собой, что создает конфликтную ситуацию, результатом которой становится осуждение внешним субъектом оценки самого субъекта гордости: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*.

Гордыня и смирение, будучи глубоко интимными состояниями души, внешне не наблюдаемы, однако вполне очевидными являются их проявления в поведении человека, которые и подвергаются оценке со стороны социума. Одной из форм реализации нормы смирения в повседневной жизни наряду с кротостью, необидчивостью, терпеливостью и т.д. является скромность, а также следование закрепившимся в данном социуме обычаям и ритуалам вежливости. Гордыня, напротив, проявляется в разнообразных нарушениях нормы скромности и правил поведения; для обозначения этой аномалии используются слова *дерзость, наглость, хамство, беспардонность, бесцеремонность*, а также *задаваться, задирать нос* и т.д.

Представления о норме скромности формируются у каждой личности под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. Внутренним стимулом к возникновению этих представлений является совесть как составляющая морального сознания, поэтому в качестве одной из причин нарушения нормы скромности называется в русском языке *бессовестность* нарушителя, в то время как совесть заставляет ее обладателя отказываться от некоторых благ, если владение ими ущемляет интересы других людей. Не менее важным условием формирования нормы скромности являются действующие в социуме обычаи и правила этикета, отступление от которых обозначается в русском языке словами *бесцеремонность, беспардонность, бесчинство, без комплексов*. В разных культурах обычаи и правила вежливости могут быть либо индифферентными к голосу совести, либо скоординированы с ним, что отвечает существующим в социуме представлениям о справедливости. В последнем случае эгоистический поступок не только наказывается угрызениями совести, но и порицается обществом, и это вызывает у порицаемого чувство стыда вследствие того, что его собственные корыстные интересы вступили в конфликт с действующими в данном социуме этическими нормами, а его поступки признаны в обществе *бесстыдными*.

Ориентация именно на самоограничение отличает русскую норму скромности от соответствующих ей норм в сознании европейцев, в котором эти нормы предписывают прежде всего соблюдение определенных правил поведения и ритуалов. Русская норма скромности ориентирована в первую очередь на соблюдение социальной справедливости и поэтому разрешает в некоторых случаях нарушить приличия, если такое поведение не наносит ущерба другим людям: *Не стыдно, коли никому не обидно*. Для каждого члена русского социума очевидно, что пренебрежение нормой скромности дает ее нарушителю материальные выгоды (в то время как *Стыдливый из-за стола голодный встает*), однако такое преимущество в обществе воспринимается с иронией, как следствие моральной ущербности – неспособности испытывать чувство стыда: *Хоть стыдно, да сытно; Убей Бог стыд, все пойдет хорошо; Отыми Бог стыд, так будешь сыт; Первое счастье – когда стыда в глазах нет; Первый дар на роду, коли нет в глазах стыду*.

Одним из требований, предъявляемых нормой скромности, является соблюдение обычаев. Степень их императивности зависит от отношения к ним социума, который требует соблюдения наиболее распространенных и устоявшихся правил и норм поведения: *Повальный обычай, что царский указ; Не нами уставилось, не нами и переставится; Что в людях водится, то и нас не минует (то и над нами сбудется); Против обычая не спорь! Безобычному человеку с людьми не жить; Обычай старше (сильнее) закона*.

Норма скромности лежит в основе некоторых обычаев и этикетных требований, которые нашли отражение в русских пословицах. Одним из таких требований является ориентация во внешнем жизненном устройстве на некий усредненный образец, проявляющаяся в стремлении выглядеть в глазах коллектива не хуже, но и не лучше других его представителей. Поэтому член русского социума, с одной стороны, стремится быть *не хуже людей, не ударить в грязь лицом перед*

ними, к людям не пристать, а и от людей не отстать, а с другой – старается следовать советам *Вперед людей не забегай, а и от людей не отставай! Вперед не суйся, позади не оставайся.* Правило *Что люди, то и мы* является одним из главных регуляторов отношений внутри социума. Напротив, попытки быть *Хоть сзади, да в одном стаде* с представителями высшего сословия заслуживают порицания.

Норма скромности регулирует также отношения между хозяином и гостем, предписывая последнему подчиняться установленным в чужом доме обычаям и проявлять тактичность в отношении хозяев: *В чужом доме не указывают; Гость – невольный человек, где посадят, тут и сядет; Гость у хозяина в руках (в послушании); Дома, как хошь, а в людях, как велят; В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Где посадят, там и сиди, а где не велят, там и не гляди! В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив.* Гость, нарушивший эти требования, в свою очередь, не заслуживает вежливого обращения: *Бесстыжжего гостя не пивом выживать.*

Весьма важным в русском социуме считается умение выбрать тип поведения, соответствующий социальному статусу субъекта, причем при оценке собственного положения предпочтительнее проявить скромность, нежели необоснованно приравнять себя к лицам с более высоким общественным положением: *Чин чина почитай, а меньшей садись на край! Не суйся, буки наперед аза! Чешишь конь с конем, а свинья с углом; Не Макару с боярами знаться; На что вороне большие хоромы? Знай, ворона, свое гнездо! Шей по росту: полы отпчешь, подол обобьешь; Сам с локоток, а кафтан короток; По бабе брага, по девке сряда.*

Несоблюдение перечисленных требований является, с точки зрения русского социума, проявлением нескромности и может быть наказано. Так желание продемонстрировать свои преимущества перед другими может привести к противоположному результату: *Не лезь наперед: не стать бы назаду;* гостя, излишне стесняющего хозяев, не умеющего себя вести, следует *потчевать в харчевне, поить в кабаке, а на дом не водить;* поведение, не соответствующее реальному социальному статусу субъекта, заслуживает осуждения, а претензии на незаслуженно высокую общественную оценку высмеиваются: *Чесалась свинья и о барское крыльцо; Живет в подклети, а кашляет по-горничному.*

Структура оценки, связанной с понятием скромности, аналогична той, которую обнаруживает норма смирения, отличаясь от нее лишь характером нормативного основания. В то время как в основе смирения лежит религиозно-философский идеал, определяющий мировоззрение субъекта оценки, основанием нормы скромности являются социально обусловленные представления об обычаях и правилах поведения, регулирующих отношения в коллективе. Не являясь идеальной, норма скромности может быть не только достигнута (*скромный*) или не достигнута (*нескромный*), но и превышена (например: *слишком скромный, стеснительный* и т.д.). Превышение нормы скромности может быть воспринято обществом негативно, поскольку причиной этого чаще всего бывает неадекватная, заниженная самооценка личности (*закомплексованность*).

Однако основной причиной нарушения нормы скромности чаще всего является гордость в разных ее проявлениях (тщеславие, высокомерие, заносчивость, дерзость и т.д.). Отношение к гордости и отдельным ее формам изменялось на разных этапах развития общества. Абсолютное отрицание гордости как одной из самых разрушительных страстей было свойственно обществу, стремящемуся соблюдать нормы христианской морали. По мнению христианских богословов, гордость, как «апофеоз себялюбия», «есть крайняя степень падения человека в религиозном и нравственном смыслах», поскольку «признавая за собой бесспорное и безапелляционное право суда над личностью ближнего, человек, ослепленный гордостью, не допускает мысли о том, чтобы кто-либо другой осмелился критиче-

ски относиться к его собственным действиям и поступкам», результатом чего становится «внутреннее противление Богу в демоническом стремлении утвердиться в собственной независимости» [О вере и нравственности, 1991, с. 352].

В период, когда христианство в России было государственной религией, основным значением слова *гордость* в русском языке было «надменность, высокомерие», а оценка данного качества в социуме была преимущественно отрицательной. В словаре В.И. Даля в качестве синонимов слова *гордый* названы *надменный, высокомерный, кичливый, надутый, выноносный, спесивый, зазнающийся*, т.е. такой, «кто ставит себя самого выше прочих».

Примечательно, что в русских пословицах в качестве причины гордости того или иного человека чаще всего называется его глупость: *Гордым быть – глупым слыть; Спесь не ум; Чванство не ум, а скудоумие; Спесь дворянская, а ум крестьянский; Дурак спесивится против ниже себя; Ум во смирении; Выносоны – лоботрясы; Для чего нам ум, были бы деньги да спесь*. Глупость в данном случае не обязательно связана с неадекватностью самооценки. Гордый человек глуп потому, что не понимает случайности своего превосходства над другими (*Кому повезло, тот и зазнался*), которое в силу этого может оказаться временным. Поэтому неудача не в меру возгордившегося человека воспринимается в социуме как закономерный исход: *Гордый покичился, да во прах скатился; Не смейся, горох, над нами (над бобами): будешь и ты под ногами; Сатана гордился, да с неба свалился; Фараон гордился, в море утонул, а мы гордимся – куда годимся? Заносчивого коня построжее зануздывай; Водяной пузырь недолго стоит; Вздулся волдырь, да и лопнул*.

В неправославных христианских культурах отношение к гордости было менее критичным. Так, например, по свидетельству И. Канта, в современном ему немецком языке слову *гордость* обычно сопутствовал эпитет *благородная* [Кант, 1995, с. 484]. В этическом учении самого Канта гордость, как «забота о том, чтобы ни в чем не уронить своего человеческого достоинства перед другими» оценивается положительно и противопоставляется честолюбию и высокомерию – чувствам несправедливым и глупым, поскольку «высокомерие требует от других уважения, в котором оно со своей стороны им отказывает» [Там же]. Представляется, однако, более вероятным, что в кантовском противопоставлении гордости и высокомерия отражены два вида оценки, различающиеся своим объектом и основанием. Эти два вида оценки обнаруживаются также в двух значениях русского слова *гордость*.

В русском языке слово *гордость* используется в двух значениях. До XX века более употребительным из них было «заносчивость», «высокомерие»; обозначенное этим словом чувство эгоистической гордости получало отрицательную оценку в любом социуме. Однако помимо эгоистической гордости человек может переживать сходное чувство по поводу принадлежности к определенному коллективу (семье, роду, профессиональной группе, нации и т.д.) или отношения собственности (авторства) к положительно оцениваемому в социуме объекту. Это чувство, которое может быть названо корпоративной гордостью, отличается от эгоистической гордости прежде всего объектом оценки, в качестве которого в данном случае выступают не личные свойства субъекта оценки, а та социальная группа (коллектив, семья, сословие, класс, нация и т.д.), к которым он себя относит. В этом смысле говорят, например, о *дворянской, рабоче-крестьянской гордости, гордости за сына* и т.д. (ср.: описание гордости как актуального чувства и как свойства характера или жизненных установок в [Шмелев, 2002, с. 109-113]). Чувство корпоративной гордости означает высокую оценку субъектом той социальной группы, к которой он принадлежит, ее соответствие норме, поэтому такое чувство не вызывает в обществе осуждения, если сама эта группа пользуется уважением (однако *Нищему гордость, что корове седло*).

Корпоративная гордость отличается от эгоистической и основанием оценки, в качестве которого выступают социально обусловленные представления о норме, регулирующие отношения в данном коллективе. Эта норма не идеальна, зависит от условий бытия социума и не только отражает представления о должном, но и фиксирует наиболее типичные для данного коллектива отношения, обычаи и оценки, а потому достижима в условиях реальной действительности.

Таким образом, корпоративная гордость представляет собой разновидность ценностного отношения, основанного на нормативной оценке. Являясь по существу внешней оценкой, поскольку объектом оценивания является целый коллектив, норма корпоративной гордости в то же время включает и момент самооценки. Вместе с тем следует отметить и высокую степень адекватности такой оценки, подтвержденной мнением всего коллектива.

Структура оценки, связанной с понятием корпоративной гордости, может быть представлена следующим образом:

$$S_1 \quad (O = S_1 + S_2 + \dots + S_n)$$

$$N = O$$

Корпоративная гордость не только дает ее субъекту право на высокую самооценку, но и налагает на него обязанность соответствовать образцу-норме, закрепившемуся в данной социальной группе. Такое представление о гордости близко современному пониманию чести, и именно в этом смысле говорят, например, о *девичьей (женской)* или о *профессиональной гордости (чести)*.

Корпоративная гордость, будучи явлением социально обусловленным, может в некоторой мере противоречить христианскому идеалу смирения, но не вступает с ним в отношения антагонизма и воспринимается обществом положительно, поскольку обеспечивает его стабильность. Рекомендации *по одежке протягивать ножки, не соваться с суконным рылом в калашный ряд, не садиться не в свои сани* и т.п. отражают именно установку на соответствие норме корпоративной гордости.

Одной из причин положительной оценки социумом чувства корпоративной гордости является то, что это чувство не только не противоречит личной скромности, но предполагает его. Именно поэтому выражения *девичья (женская) гордость* и *девичья (женская) скромность* используются в русском языке как синонимы. Нескромность, противоречащая представлениям о социально обусловленном идеале, неизменно получает в социуме отрицательную оценку: *Зазнался, что вошь в коросте; Давно ли зашелудивел, да уж и заспесивел; Идет княгиня: на плечах корзина, а в корзине мякина; Загордился кот и с печи нейдет; Сидит на рогаже, а кричит, что с соболей; Дьячья спесь: на голове чирий, а ногой храмлет.*

Своеобразной разновидностью корпоративной гордости является личная гордость – чувство, испытываемое субъектом по поводу его собственных достижений. Так, например, спортсмен может гордиться поставленным рекордом, садовод – высоким урожаем, школьник – хорошей успеваемостью и т.д.

Личную гордость объединяют с корпоративной высокие положительные свойства объекта оценки, социальная обусловленность лежащей в ее основании нормы, а также то, что внешняя оценка сочетается в ней с самооценкой. В то же время данный вид корпоративной гордости противопоставляется описанному выше тем, что стимулом к возникновению этого чувства является не отношение принадлежности субъекта оценки к определенному коллективу, а, напротив, принадлежность объекта оценки ее субъекту (отношение собственности).

N = O (O принадлежит S)

Личная гордость не выводит ее субъект за пределы его социальной группы, но напротив, характеризует его как преуспевающего представителя определенного сословия или коллектива и поэтому может быть представлена в качестве разновидности корпоративной гордости. С другой стороны, данный вид гордости сходен и с гордостью эгоистической, поскольку ее объект находится в собственности одного субъекта. Поэтому положительную или нейтральную оценку в социуме личная гордость получает только тогда, когда это чувство соразмерно реальным заслугам субъекта, адекватно им и потому закономерно. Необходимость в обосновании, узаконивании данного чувства отражена в выражении *законная гордость*, используемом только для обозначения обоснованного чувства личной гордости.

Чувство личной гордости, если оно обоснованно, не вступает в противоречие с социально обусловленной нормой скромности, но не соответствует христианскому идеалу смирения. Поэтому это понятие получило значительное распространение лишь в русском обществе советского периода.

Современные исследователи отмечают исторически обусловленные изменения в семантике слова *гордость* в разных языках: «в результате того, что характерное для средневекового миропонимания христианское восприятие «гордости» как первого из смертных грехов и источника всех пороков постепенно утрачивает свою роль в секулярной системе моральных ценностей, слова со значением «гордый» имеют в большинстве европейских языков различное значение в повседневном языке и в языке церковной проповеди» [Шмелев, 2002, с. 15]. Так, например, замечено семантическое сближение русского слова *гордость* и выражения *чувство собственного достоинства*. Кроме того, изменения, произошедшие в русском обществе в XX веке, способствовали развитию представлений о корпоративной гордости за счет умножения числа ее вероятных объектов. Эти представления отражены, в частности, в выражениях *классовая, рабоче-крестьянская гордость, патриотическая гордость, гордость за свой завод, за рабочий коллектив* и т.д.

С другой стороны, становятся все более заметными изменения в оценке норм смирения и скромности. Так, например, по мнению А. Вежицкой и А.Д. Шмелева, слова *смириться* и *смирение* первоначально обозначавшие отсутствие гордости и умерение какой-либо претензии, в русском языке «под влиянием общей установки на примирение с действительностью стали ассоциироваться с принятием окружающего мира таким, каков он есть» [Там же, с. 103]. Вслед за этим происходит все большая дифференциация в формах реализации нормы скромности, проявляющаяся в уточнении разных видов отклонений от этой нормы. В частности, в русском языке появились слова *бестактный* со значением «лишенный такта, чуткости, невнимательный к окружающим» и *фамильярный*, вытесняющее из активного употребления исконно русское *запанибрата*.

Особого внимания заслуживают, на наш взгляд, изменения в семантике слова *дерзкий*. Слова *дерзкий* и *дерзать* использовались в 19 веке преимущественно для выражения положительной оценки чьего-либо смелого поступка. Однако позднее глагол *дерзать* получил ограниченную сферу употребления, а слово *дерзкий* приобрело отрицательную оценочную семантику и стало использоваться для обозначения чьего-либо грубого, фамильярного поведения (напр.: *дерзкий ответ, дерзить*). Примечательно, что в наши дни слово *дерзкий* чаще всего используется в контексте уголовной хроники: *дерзкое разбойное нападение, дерзкий побег* и т.д., что позволяет говорить о преобладании в составе обозначенного им понятия компонента «пренебрежение к закону, авторитету», т.е. отрицания нормы. Однако значение нормы в данном случае не тождественно тому, которое связано с понятием гордыни. В то время как эгоистическая гордость отвергает иде-

альный нравственный закон-норму, дерзость состоит в пренебрежении юридическими законами (напр.: *дерзкий разбой*) и авторитетами (напр.: *дерзкий ответ*).

Особенно заметными изменения в оценке русским обществом нормы скромности стали в постсоветский период. Эти изменения нашли отражение, в частности, в развитии представлений о так называемых комплексах неполноценности и их оценке в русском языковом коллективе. В отличие от западного общества, где понятие «комплекс неполноценности» изначально оценивалось отрицательно, т.к. отражало личностный недостаток, препятствующий карьере и жизненному успеху его субъекта, русский социум воспринял это понятие с большей долей симпатии, как отражающее одно из проявлений скромности. Поэтому аномалией, с точки зрения русского человека, стало отсутствие комплексов, под которыми понималась личная скромность. Отрицательная оценка этой аномалии нашла выражение в ироническом определении *без комплексов*, используемом по отношению к человеку, пренебрегающему моральными нормами и правилами этикета вследствие отсутствия такта или недостатков в воспитании. Вместе с тем само появление представлений о «комплексах» стало свидетельством того, что скромность как определенный тип поведения, до недавнего времени получавший в обществе лишь положительную или нейтральную оценку (напр.: *скромный, стыдливый, застенчивый*), в некоторых своих проявлениях стала восприниматься как аномалия (напр.: *закомплексованный*).

Сказанное позволяет сделать вывод о нарастающем расхождении между понятиями «смирение» и «скромность», а также о постепенном переосмыслении содержания понятия «гордость», отразившем изменения в системе, моральных ценностей русского общества. Разрушение представлений о смирении как о норме, регулирующей ценностные отношения личности к себе и к окружающему миру, стало причиной того, что роль регуляторов этих отношений начали выполнять социально обусловленные нормы поведения, юридические законы и иногда авторитеты. Одной из основных задач этих законов и норм является установление равновесия между разнонаправленными стремлениями членов социума к признанию их собственных прав на высокую самооценку (гордость и чувство собственного достоинства) и, следовательно, соответствующую ей внешнюю оценку окружающих, с одной стороны, и нежеланием признавать такие же права за остальными – с другой. Однако попытка решить эту проблему законодательно, путем установления внешних ограничений таким притязаниям, не устраняет возникающих в социуме конфликтов. Это свидетельствует о необходимости единой глобальной нормы, регулирующей поведение членов социума изнутри, функцию которой прежде выполняли идеал смирения и норма скромности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Брянчанинов И. Аскетические опыты. М., 1993. Т. 1.
Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1993.
Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.
Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995.
ЛАЯ – Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
О вере и нравственности по учению православной церкви. М., 1991.
Свешников В. Очерки христианской этики. М., 2001.
Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.